

исчерпаемым источником англо-американизмов и для обиходной речи. Можно с полной уверенностью утверждать, что в настоящее время практически невозможно найти какую-либо немецкую газету или журнал, в которых не встретилось бы если не множество, то наверняка значительное количество англо-американизмов. Прослушав или просмотрев какую-либо немецкую теле- или радиопередачу, невозможно не услышать множество старых и новых англо-американизмов из уст носителей немецкого языка.

Различные языковые статистические исследования, проводившиеся за последние десятилетия, материалом для которых послужили продукты прессы, доказывают, что количество англицизмов и англо-американизмов в немецкой прессе с 1945 года по настоящее время возросло во много раз. В определенных специализированных газетах и, соответственно, научно-популярных журналах, в сфере информационной технологии или же развлекательной индустрии доля американизмов настолько велика, что возможно уже говорить о смешанном языке. Если же рассмотреть некоторые современные журналы информационно-развлекательного плана, то количество заимствований поражает, а иногда даже кажется, что журнал написан на двух языках.

Автором данной статьи было проанализировано 10 различных современных немецких журналов 2004 и 2005 года выпуска. В результате было установлено, что более трети заголовков каждого журнала содержат как минимум один англо-американизм: "Fit und schön", "Tochter gekidnappt" [6, с.55], "Freizeit-Look", "Ein Weekend ohne Dates?", "Trip nach Yesterday", "Kontakte Nonstop" [7, с.78], Last-minute Spartrip [8, с.24], некоторые же просто представляют собой английское слово или выражение. К примеру: "News", "Coaching", "Family life", "Beauty-Tricks", "Styling-guide" [9, с. 101] или "Cook-Shop", "Happy-end", "Beauty-News", "Under Cover", "Fax-Hotline", "Stress-Killer" [10, с.69].

Таким образом, можно констатировать значительный рост объема англо-американизмов в современном немецком обиходном языке. Существует несколько мнений касательно данной проблемы. Некоторые лингвисты склонны полагать, что существует тенденция к смешению языков в некоторых пластах немецкого языка и что рост и проникновение иноязычных структур в современный немецкий язык грозит размыванием разговорной немецкой речи и постепенной утратой её специфики. Однако, количество англо-американизмов в обиходно-разговорном стиле языка и, соответственно, в средствах массовой информации является лишь следствием неизбежного роста и развития мировых экономических отношений, где во всех сферах доминируют Соединенные Штаты Америки и, соответственно англо-американского влияния на многие культуры мира, всемирными процессами глобализации процессов распространения билингвизма по схеме родной язык – английский.

Источники и литература

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – с.250
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – с. 145
3. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии.– К.: Рідна мова, 1998.
4. Martin Lehnert. Der angloamerikanische Einfluss auf die Sprache der beiden deutschen Staaten: Akademie Verlag // Sitzungberichte der Akademie der Wissenschaften in Berlin, Jahrgang 1991, Nr. 2. – S. 298
5. Göran Kristensson. Angloamerikanische Einflüsse in DDR-Zeitungstexten: Almqvist und Wikless International Stockholm – Schweden/ Stochholmer Germanische Forschungen, Kungälv, 1977. – S. 267
6. Spiegel. – 2004, №2. – S. 124
7. Brigitte. – 2004, № 15. – S. 189
8. Spiegel, 2004, №3. – S. 179
9. Spiegel, 2004, №3. – S. 203
10. Für Sie. – 2004, №13. – S. 245

Нерадовская Т.Л.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМФАЗЫ

В современном французском языкознании достаточно много работ [1, 2, 3, 4] посвящено изучению эмфатических структур, однако до сих пор предметом исследований не становилось изучение коммуникативно-прагматической обусловленности употребления рассматриваемых конструкций в речи.

Постановка проблемы определила цель данного исследования: изучить коммуникативно-прагматическую обусловленность употребления синтаксических средств выражения эмфазы в современном французском художественном дискурсе. Данная цель подразумевает решение следующих задач:

- определить факторы, способствующие успешному коммуникативному взаимодействию субъектов речи;
- рассмотреть коммуникативные функции различных эмфатических структур и определить их соотносительность с ситуацией.

Одной из основных функций языка является коммуникативно-прагматическая, реализующаяся в речевой деятельности человека – центра акта коммуникации. Основной единицей коммуникации является предложение-высказывание. Всякое высказывание, соотносясь с фрагментом внеязыковой ситуации, имеет определенную цель: сообщить или запросить информацию, побудить адресата к тем или иным действиям. Вызвать у собеседника определенную реакцию на передаваемую информацию и т.д.

При этом слова в высказывании располагаются в зависимости от передаваемой информации, в чем проявляется коммуникативная функция порядка слов и что позволяет выделить два типа словорасположения: нейтральный (движение мысли происходит от известного к неизвестному, от темы к реме) и эмфатический (на первом месте оказывается то, что более важно с психологической, эмоциональной или информативной стороны, при этом рема предшествует теме). Именно эмфатический словопорядок позволяет, по словам А. Соважо, выделить тот элемент высказывания, к которому говорящий особенно желает привлечь внимание собеседника [3, 183].

Субъект речи заинтересован в понимании адресатом того, что сообщается, поэтому из доступных средств выражения он выбирает те, которые позволят сделать его коммуникативное намерение «взаимно очевидным» [5, 232] и, таким образом, речевой акт достигнет своей цели. Для правильного понимания высказывания важную роль играет пресуппозиция, т.е. совокупность предварительных знаний, благодаря которым становится возможным как само высказывание, так и его понимание. В это понятие входят такие понятия как контекст и ситуация [1, 481-482].

Пресуппозиция может быть широкой (общей), представляющей собой универсальные знания человека об окружающей действительности и узкой (частной), включающей в себя сведения относительно данной конкретной ситуации, и лингвистической, представляющей собой знания коммуникантов о языке на котором они говорят. Так, например, когда героиня (она же и рассказчик) романа Ф.Саган «Здравствуй, грусть» после описания первых дней отдыха у моря заключает: «C'était l'été», это можно рассматривать как широкую пресуппозицию т.к. у читателя мгновенно возникают (даже если бы отсутствовало вышеупомянутое описание) определенные ассоциации: тепло, солнце, море, отдых и т.д. В случае с фразой «C'est Sophie» мы имеем дело с узкой пресуппозицией, т.к. только благодаря описанию конкретной ситуации становится ясно, что речь идет о жене одного из коллег героини романа Ж.Кулонжа «Pause café». Примером лингвистической пресуппозиции может служить употребление разговорного варианта презентатива **il y a** в следующей фразе «Y en a trois ou quatre autres dans la cité».

Понимание высказывания может быть неполным, если коммуниканты не обладают общими знаниями о мире, о языке общения или «когда какое-либо событие, действие или ситуация социокультурного уровня, пресуппозированные говорящим, неизвестны слушающему» [6, 55]. Однако следует отметить, что в момент коммуникации адресат уже имеет определенное представление как о глобальном, так и о локальном контексте, что, несомненно, облегчает понимание и слушателю, по словам Т.ван Дейка, «остается лишь конкретизировать цели коммуникативного взаимодействия» [6, 57] и, основываясь на этом, выстроить гипотезы о возможных речевых актах и быть готовым к восприятию новой, либо дополнительной информации, сообщаемой субъектом речи, используя определенные языковые стратегии. Таким образом, успешность речевого акта обусловлена не только внешними факторами, но и речевым поведением коммуникантов, использующих языковые средства разных уровней, в частности синтаксического, где особое место занимают эмфатические структуры. Именно эти структуры позволяют выделить тот элемент высказывания, к которому говорящий (либо автор текста) желает привлечь внимание адресата.

Как известно, к синтаксическим средствам коммуникативной организации предложения относятся так называемые чистые презентативы: *c'est, voilà, voici, il y a; c'est que..., ce que(c'est), voilà/voici que (qui)... ; voilà ce que...* ; презентативные конструкции: *c'est...qui, c'est...que, ce qui...c'est, ce (celui) que... c'est, il y a ...qui (que), voilà...qui (que)* и их варианты; сегментированные предложения.

Каждая из указанных структур выполняет определенную коммуникативную функцию в речи, что определяет прагматическую обусловленность употребления их в различных ситуациях общения. Так, презентативу *c'est* присущи, в основном, идентифицирующая (1), оценочная (1a) и классифицирующая (1b) функции:

1). – **C'était** un homme léger, habile en affaires, toujours curieux et vite lasse, et qui plaisait aux femmes [7, 12].

– **C'est** bien le lycée Jules-Verne [8, 19] ?

1a). – Je n'ose même pas vous en parler tellement **c'était** abstrait et ridicule [7, 84].

– Giraudoux, **c'est** chouette... T'aimés pas [8, 66] ?

1b). – Mais **ce n'est pas** un jeu, **c'est** une philosophie hindoue [7, 99].

– ...la fenêtre, si on la regarde bien, on s'aperçoit qu'au milieu **c'est pas** le milieu de la fenêtre : **c'est** une cloison [8, 80].

Из приведенных примеров видно, что наименьшая степень эмфатизации наблюдается в случае, когда презентатив **c'est** выступает в функции идентификации (1), тогда как в остальных функциях выделение необходимого элемента высказывания носит экспрессивный характер, что достигается различными способами: добавление оценочных элементов, например, прилагательных *abstrait, ridicule* и *chouette* в (1a); одновременное употребление в одном предложении презентатива **c'est** в отрицательной и в утвердительной форме, что усиливает контраст и способствует выделению важного в смысловом отношении компонента фразы – *une philosophie hindoue ; une cloison* в (1b).

В сочетании с подчинительным союзом **parce que** и вопросительным наречием **pourquoi** презентатив **c'est** выполняет функцию разъяснения (2), что позволяет выявить причинно-следственные связи фактов, явлений и т.п., имеющих определенное значение для коммуникантов. В сочетании с союзом **comme**, **c'est** выполняет функцию сравнения, что позволяет акцентировать внимание адресата на отличительных чертах того или иного объекта, явления, понятия и т.д. (3).

2). – **C'est** pourquoi, malgré mes efforts, je ne me souviens plus très bien de ce déjeuner [7, 143].

– **C'est** pourquoi maintenant, à la mairie, le Petit Chef a la jaunisse [8, 105].

– Je vais te dire pourquoi l’Eglise dure depuis si longtemps : **c’est parce qu’**elle n’existe pas [8, 107].

3). – Les profs **c’est comme** les fusils : il y a plusieurs modèles [8, 40].

– La douleur **c’est comme** les haricots verts : ça supporte pas la mise en boîte [8, 75].

Презентатив **c’est que** выполняет разъяснительную функцию и употребляется в случае необходимости объяснения адресату определённой информации, определённого факта и т.п., важных для данной ситуации (4):

4). – Mais s’il l’épouse, **c’est qu’**il l’aime, objecta-t-elle [7, 80].

– La réalité **c’est que** les vacances sont dans deux jours [8, 99].

Оценочная функция презентатива **ce que (c’est)** выражается в определении высшей степени качества обсуждаемого объекта, явления и т.п. и позволяет передать как положительные (5a), так и отрицательные эмоции (5b).

5a). – **Ce que c’est** beau, la neige [8, 110]!

5b). – **C’que c’est** tarte [8, 20]! – вырывается у героини романа при виде её рабочего кабинета.

В отличие от презентатива **c’est**, выполняющего роль идентификатора, что обусловлено входящим в его состав указательным местоимением *ce*, презентатив **il y a** имеет значение «экзистенциальности» и вносит оттенок неопределённости, обусловленный безличным местоимением **il**.

– Un après-midi, la femme de chambre frappa à ma porte et m’avertit d’un air mystérieux qu’**il y avait** quelqu’un en bas» [7, 78].

Если с грамматической точки зрения употребление презентатива «c’est» в данной фразе допустимо (...«c’était quelqu’un en bas»), то с семантической точки зрения невозможно из-за наличия неопределённого местоимения «quelqu’un». И лишь когда героиня романа спускается в вестибюль и видит посетителя, то как результат процесса идентификации возникает фраза «C’était Elsa», где уже невозможно употребление презентатива **il y a**.

Из рассмотренного примера видно, что выбор той или иной структуры определяется не только её функциями, грамматической и семантической организацией высказывания, но и коммуникативной ситуацией.

Презентативу **il y a** присуща также селективная функция, которой нет у презентатива **c’est** (6).

6). – ...Mais tu sais : des filles, **il y en a** d’autres [8, 76].

Однако следует отметить, что несмотря на довольно широкий спектр функций презентативов, эти средства выражения эмфазы более нейтральны и обладают меньшей экспрессивностью по сравнению с другими выделительными структурами, такими, например, как презентативные обороты и сегментированные предложения.

Следует отметить, что всем презентативным конструкциям присущи функции, свойственные входящим в них презентативам. Однако каждая из этих структур имеет особую коммуникативную значимость.

Презентативные конструкции *c’est ... qui/que; ce qui ... c’est; ce(celui) que ... c’est* и их варианты имеют ярко выраженную коммуникативную направленность. Введение этих структур в предложение позволяет выделить обе части высказывания – тему и рему. При этом рематизируемый неглагольный элемент выносится в начальный сегмент, вводимый презентативом **c’est**, который формально осуществляет идентификацию вводимого им элемента. При этом, по словам М.-Л.Моро, вместе с презентативом **c’est** «отколовшийся» элемент полностью охватывает совокупность переменных величин, которые соответствуют presupпозиции [4, 26], т.е. совокупности предварительных знаний, благодаря которым становится возможным как само высказывание, так и его понимание. Сама природа начального сегмента этих конструкций (он является носителем ремы или ядра информации) определяет тот факт, что с самого начала адресат получает максимум информации о предмете, явлении, по той или иной проблеме. Именно в этом сегменте презентативных конструкций заключена цель коммуникации, т.е. само решение проблемы [2, 121].

Как правило, объект (событие, факт и т.д.), о котором идёт речь, обычно известен, т.к. тем или иным образом о нём сообщается в контексте или ситуации. Поэтому понимание предмета разговора не представляет никакой трудности для собеседников. Целью же сообщения является уточнение детали (или деталей), неизвестной адресату, что несёт новую информацию о предмете разговора и определяет уточняющую функцию презентативных конструкций, структурным компонентом которых является презентатив «c’est».

При этом уточнение может касаться различных аспектов предмета разговора и отражать его качественные (6a), пространственные (6b), временные (6c) характеристики, субъективность (6d) и объективность (6e) информации и т.п., например:

6a). – J’eus l’impression ... que **c’était** une vieille dame **qui** courait ... [7, 143].

6b). – Vous, **c’est à la prison que** vous allez [8, 140] ?

6c). – **C’est alors qu’**Anne apparut ; elle venait du bois [7, 143].

6d). – **C’est** votre destin **que** vous défendez Elsa [7, 82].

6e). – Surtout après ce que tu lui as fait, **c’est** le genre de choses **qu’**on ne pardonne pas ... [7, 113]

Презентативным конструкциям данной группы присуща также функция противопоставления (7a), основанная на выделении новой и дополнительной информации на фоне уже известных фактов. В рассматриваемых структурах противопоставление носит характер исключительности, наиболее ярко проявляющийся в обороте **c’est ... qui** (7b):

7a). – **C’est** de langage **qu’**il s’agit justement [8, 44].

– **Ce sont eux qu'**il faut aider [5,86].

7b). – **C'est moi qui** lui raconterais mes frasques et lui donnerais des conseils [7, 132].

– **C'est la morale qui** le retient [8, 120].

Таким структурами как: **c'est ... que**, **ce qui ... c'est** и **ce que ... c'est** свойственна разъяснительная функция, но, в отличие от презентатива **c'est**, конструкция **c'est ... que** позволяет усилить разъяснение, подтверждение или обоснование того или иного факта, той или иной причины благодаря той части сообщения, которая вводится частицей **que** и создаёт семантический и структурный фон, обеспечивающий понимание того, что объясняется (8a). В двойных эмфатических конструкциях **ce qui ... c'est** и **ce que ... c'est** функция разъяснения приобретает более экспрессивный и более субъективный характер, в особенности в тех случаях, когда добавляется ещё и оценочная функция, особый характер данных структур обусловлен двойным выделением (8b).

8a). – **C'est ainsi que** je déclenchai la comédie [7, 92].

– **C'est pour ça que**, une fois encore, Joëlle se retrouve dans le bureau du protal [8, 103].

– **C'est comme ça que**, peu à peu, la banlieue s'organise [8, 70].

– **C'est vrai qu'**elle a pas parlé fort [8, 71].

8b). – **Ce qui me les rendait agréables, c'était** l'excitation, la flamme, que tous deux y mettaient [7, 126].

– **Ce qui l'agace en Joëlle, ce qui le surprend, le contrarie, c'est** son agitation [8, 39]. – в данном примере дополнительная экспрессия достигается благодаря повтору первого сегмента **ce qui**.

– **Ce que j'aime dans la jeunesse, c'est** son entrain, sa conversation ... [7, 66].

– **Ce que Mme la Directrice voudrait connaître c'est** le caractère de Laeticia [8, 97].

Презентативные конструкции **il y a ... qui**, **il y a ... que** выполняют «экзистенциальную» функцию и передают оттенок неопределенности также, как и входящий в них презентатив **il y a**. Однако, наличие в этих конструкциях второго структурного элемента, а именно, частиц **qui/ que** позволяет ограничить рамки неопределенности благодаря выделению некоторых характеристик (признаков, черт, количества и т.п.) того или иного факта, явления, предмета (9):

9). – Anne, votre élégance fait des ravages ; **il y a un homme là-bas qui** ne vous quitte pas des yeux [7, 120] – из этой реплики Сесиль видно, как структура **il y a ... qui**, сохраняя оттенок неопределенности, позволяет, однако, выделить одного из сидящих в баре мужчин, а именно того, который не сводит глаз с Анны.

– **Il y a deux ou trois filles qui** doivent être des copines de Laetitia [8, 74].

Структура **il y a ... qui** может также выполнять обобщающую функцию (10):

– **Il y a même des oiseaux qui**, dans les magnolias, se racontent des histoires [8, 97].

Важным средством эмфатизации, кроме презентативных конструкций, являются сегментированные предложения, что обуславливает их частое употребление в современном французском языке, особенно в разговорной речи, носящей аффективный характер. Сегментированные предложения служат, в основном, для предикативного противопоставления темы и ремы с целью передачи дополнительной информации собеседнику и выполняют уточняющую функцию (10), функцию привлечения внимания (11) и разъяснительную функцию (12):

10) a – **Moi non plus, je** n'aime pas Elsa, cria-t-il furieux [7, 112].

b – **Les chaises, on n'en** a pas besoin [8, 24].

11) a – J'ai une nouvelle, mon vieux. **Anne et moi, nous** nous marions le 5 octobre [7, 119].

b – **La chambre, qui la** paiera [8, 102]?

12) a – Charles, vous n'auriez pas dû **les** déranger, **ces amoureux** ... [7, 120]

b – Sauf qu'**ils** n'ont pas de volets aux fenêtres, **les Portugais** [8, 80]

Иногда сегментированные предложения могут выполнять функцию утверждения или подтверждения (13):

13). – Tout reprendrait comme avant et, après tout, je **le** passerais, **mon examen** [7, 83]!

– Et c'est pour ça que **Dieu, lui** existe. [8, 128]

Однако, зачастую определить функцию того или иного сегментированного предложения в отрыве от контекста или ситуации, невозможно. Так, например, в высказывании (10a) распознать уточняющую функцию сегментации можно лишь с опорой на ситуацию; а именно, что не только Сесиль больше не любит своего друга, но и отец тоже разлюбил Эльзу. Из примера (11b) понять, что сегментация выполняет функцию привлечения внимания также сложно, если рассматривать эту фразу изолированно. Только из разговора социального работника с представителем городской администрации становится понятно, что это ключевое слово в этой ситуации и поэтому оно выделяется с целью привлечения внимания к этой проблеме. А то, что в высказывании (12b) имеет место разъяснительная, а не, например, уточняющая функция, также вытекает из контекста, а именно из описания здания, в котором проживали иммигранты из Португалии и отличительной чертой которого было отсутствие ставней на окнах.

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что употребление в речи тех или иных синтаксических средств выражения эмфазы зависит от коммуникативных функций последних и от целесообразности применения их в той или иной ситуации общения.

Источники и литература

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Référovskája E.A., Vassiliéva A.K. Essai de grammaire française. – Léningrad, 1973. – P.II. – 357 p.
3. Sauvageot A. Les procédés expressifs du français contemporain. Paris : Klincksieck, 1965. – 351 p.
4. Moreau M.-L. C'est. Etude de syntaxe transformationnelle. – Mons : Editions Universitaires de Mons, 1976.

5. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: прогресс, 1988. – С. 212-233.
6. Т. ван Дейк, В. Кинч. Макростратегии. // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 41-67.
7. Sagan F. Bonjour tristesse. – P. : Julliard, 1954. – 154 p.
8. Coulonges G. Pause café. – P. : Fayard, 1980. – 315 p.

Емельянова Т.А.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА БАЗЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ

Путь формирования медицинской терминологии на основе латинского и греческого языков можно считать уникальным: прекратив свое существование в форме живых языков, латинский и греческий языки продолжают уже другую, искусственную жизнь в новой сфере. Начиная с античности, складываются своеобразные связи между языком классической латыни и древнегреческими языками, с одной стороны, и языком такой области знания как медицина, с другой.

Латинские и греческие словообразовательные единицы выбраны как основной источник формирования медицинской терминологии, разделяющей в этом отношении участь терминологий многих научных дисциплин. Латинский язык выступает как главный “поставщик” не только отдельных словообразовательных единиц, но и целых серий словообразовательных единиц, а вместе с ними и словообразовательных моделей, которые рассматриваются в процессе их перехода из системы литературного языка в терминологическую систему, в процессе трансформации и переосмысления словообразовательных единиц, в процессе их реинтерпритации, реконструкции, разного типа переразложений, связанных уже не столько с изменением их поведения в новой среде, сколько с изменением более глубокого порядка. В конечном счете, все эти изменения приводят к новым принципам моделирования в терминологической системе и к появлению в ней новых элементов, не функционирующих в системе языка-источника [1,78].

Формируя медицинскую терминологию, латинские и латинизированные греческие элементы взаимодействуют друг с другом, приобретают новые значения, вступают в новые сочетания, организуют новые модели и, наконец, образуют новые ряды, гнезда и другие комплексные объединения – все то, из чего складывается, терминологическая система. Роль этого взаимодействия для формирования и дальнейшего развития медицинской терминологии была ясна многим ученым, занимавшимся историей терминологии или ее отдельными проблемами, однако не являлась предметом специального исследования.

Генетическая связь французского языка с латинским делает этот объект исследования еще более важным и интересным.

Необходимо отметить, что в настоящее время исследователи-романисты не теряют свой интерес к изучению роли латинизмов в терминологии, подтверждением чего могут служить ряд современных работ: С.Г. Жерновой “Релігійна термінологія в культурному контексті французької мови”, І.І.Вакулик “Використання термінотворчого потенціалу класичних мов сучасними мовами”

Все вышеизложенное демонстрирует важность проблемы наличия латинских элементов в различного рода терминосистемах французского языка, что и определяет *актуальность* нашего исследования

Цель работы заключается в исследовании продуктивности «книжных» и «народных» суффиксов в формировании французских медицинских терминов на основе латинских корней.

Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*:

- определить место «книжной» и «народной» суффиксации в медицинском терминологическом образовании;
- определить инвентарь суффиксальных терминологических элементов и установить количественные характеристики.
- установить продуктивность суффиксации по тематическим группам: «анатомия», «клиника», «фармакология», «физиологические процессы (естественные и патологические)».

Исследование производилось на материале следующих источников: «Словарь медицинской терминологии на пяти языках» Д-р Георги, Д.Арнаудова, Толковый словарь «Le Petit Robert», Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением [2, 3, 4].

До настоящего времени отсутствуют общепринятые определения понятий термин, терминология, терминосистема. Б.Н. Головин приводит семь определений термина, взятых из разных источников [1,31]. В.П. Даниленко упоминает 19 определений, подчеркивая, что этот перечень может быть продолжен [5,34].

Изучение литературных источников, которые содержат различные определения понятия «термин», свидетельствуют о том, что этим вопросом занимаются в наше время лингвистика, логика, философия, семиотика, информатика и другие науки [6,151]. Каждая из наук выделяет в термине те его стороны и свойства, которые необходимы для решения ее задач. Очевидно, для такого многоаспектного явления, как термин, вообще не может быть сформировано одно определение, и фактически должны существовать лингвистические, логические, науковедческие и другие определения термина, а, следовательно, требования к нему. В настоящее время на стыке лингвистики, логики, психологии в рамках семиотики складывается новая научная дисциплина, объектом которой являются термины и терминосистемы. Б.Н.Головин и В.П.